

Казацкие похождения Валериана Калинки, будущего монаха ордена воскресенцев

В. Осадчий

Для цитирования: *Осадчий В.* Казацкие похождения Валериана Калинки, будущего монаха ордена воскресенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 144–156. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.110>

Прежде чем начать карьеру польского священника и ученого, Валериан Калинка участвовал в разных инициативах, имеющих целью вернуть Польше независимость. Одним из самых экзотических его предприятий стало участие в формировании отрядов так называемых султанских казаков, подразделений, состоящих из славянского населения. С точки зрения польских эмигрантов, время противостояния Турции и западных держав России идеально подходило для формирования польской армии. Калинка оказался в самом центре предприятия, сочетающего идеи о независимости Польши с авантюрными действиями на фоне великой геополитики середины XIX в. Валериан Калинка действовал как адъютант генерала Владислава Замойского и от его имени вел набор в армию, а также перестраивал уже существующий отряд буйного Михала Чайковского, известного как Садык-паша, в подразделение польского характера как по дисциплине, так и по связям с эмиграционными кругами. Несмотря на ослабление позиции России, новое соотношение политических сил после Крымской войны не способствовало возрождению Польши как суверенного государства. Многие солдаты польских отрядов за границей пережили внутренний кризис. Калинка руководил демобилизацией казацких добровольцев и искал для них место в эмиграции. В очередной раз война не привела к получению свободы. Оставаясь под влиянием религиозности генерала Замойского, В. Калинка начал обращать больше внимания на связь национального вопроса с католицизмом. Особый интерес вызвали у него планы ввести в Болгарии церковную унию. Калинка сблизился с уже существующим орденом Воскресения Господня, члены которого называли себя воскресенцами. В будущем он вступил в этот орден и стал смиренным монахом, который по-прежнему питал геополитические иллюзии и через религиозные инициативы старался реализовать свои политические мечты. В польскую историю Валериан Калинка вошел как выдающийся историк, автор замечательных трудов о периоде упадка Речи Посполитой, а также как священник, воспитатель молодого поколения в духе католицизма.

Ключевые слова: Калинка, Чарторижский, воскресенцы, казаки, Россия, Украина.

Влодзимеж Осадчий — д-р ист. и теолог. наук, адъюнкт, Люблинский католический университет, Польша, 20-950, Люблин, аллея Рацлавицке, 14; wldodos@kul.lublin.pl

Włodzimierz Osadczy — Dr. Sci. (History and Theology), Associated Professor, Katolicki Uniwersytet Lubelski, 14, al. Racławickie, Lublin, 20-950, Polska; wldodos@kul.lublin.pl

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

Cossack Adventure of Walerian Kalinka, a Prospective Monk of the Resurrectionist Congregation

W. Osadczy

For citation: Osadczy W. Cossack Adventure of Walerian Kalinka, a Prospective Monk of the Resurrectionist Congregation. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 1, pp. 144–156. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.110> (In Russian)

Before starting a career as a Polish priest and scholar, Walerian Kalinka took part in various initiatives aimed at restoring Poland's independence. One of the most “exotic” of his enterprises was his participation in the formation of the so-called Sultan Cossacks detachments, military units consisting of the Slavic population. From the perspective of Polish emigrants, the time of the confrontation between Russia and Turkey (and Western powers) was ideal for the formation of the Polish army. Kalinka was as an adjutant to General Władysław Zamoyski and on his behalf led the recruitment into the army, and also transformed the already existing detachment of the violent Michał Czajkowski, known as Sadyk-Pasha, into a unit of the Polish character regarding discipline and ties with emigration circles. Despite the weakening of Russia's position, the new balance of political forces after the Crimean War did not contribute to the revival of Poland as a sovereign state. Many Polish soldiers abroad went through an internal crisis. Kalinka managed the demobilization of Cossack volunteers and sought a place for them in emigration. Once again, the war did not lead to freedom. Remaining under the influence of religiosity of general Zamoyski, Kalinka began to pay more attention to the connection between the national question and Catholicism. Thus, Kalinka became close to the already existing Order of the Resurrection of the Our Lord, also called Resurrectionists. Afterwards, he joined this order and became a humble monk, who, however, never gave up geopolitical illusions and, through religious initiatives, tried to realize his political dreams.

Keywords: Kalinka, Czartoryski, Resurrectionists, Cossacks, Russia, Ukraine.

Ксендз Валериан Калинка является одним из самых ярких персонажей польской историографии XIX в. Выдающийся историк Четырехлетнего сейма¹, а также автор многих других ценнейших исторических трудов, он больше десяти последних лет жизни провел как католический священник в ордене Воскресения Господня (Congregatio a Resurrectione Domini Nostri Iesu Christi)² и благодаря этой деятельности, впоследствии успешно поддержанной его собратьями по ордену, оставил глу-

¹ Самый известный монументальный труд В. Калинки, принесший ему международную известность и признание, задуманный как четырехтомное сочинение, касающееся последних лет истории Речи Посполитой, так и не был окончен. См.: *Kardaś A. Walerian Kalinka: historyk i zmarłych wstaniec // Pomóc uchwycić sens życia: Dziedzictwo ks. Waleriana Kalinki. Kraków, 2018. S. 18–19.*

² Польский монашеский орден, возникший в эмиграции, среди бывших ноябрьских повстанцев, проживавших в Париже. Инициатором создания ордена был Адам Мицкевич, а организатором и законодателем нового сообщества стал Богдан Янский. В 1834 г. было основано Братство объединенных братьев, из которого первые кандидаты в священники — Петр Семененко и Иероним Кайсевич — были отправлены в Рим обучаться богословию. В 1842 г. был создан Устав ордена и в том же году, в праздник Воскресения Господня, первые воскресенцы дали монашеские обеты в римских катакомбах Св. Себастьяна. Кроме заботы о польских эмигрантах, ксендзы-воскресенцы выполняли также важную функцию при Апостольской столице в качестве советников и экспертов по делам церкви на Востоке. На польских землях были созданы общины в Кракове и Львове, а потом в Познани, Гарволине и Радзивиллове. Деятельность воскресенцев распространилась на Северную Америку, Италию, а также в униатском порядке на Болгарию. См.: *Zmartwychwstańcy // Polski Przewodnik Katolicki. Warszawa, 1927. S. 107–109; Dolina J. Powstanie i początki Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego // Prawo Kanoniczne. 1978. T. 21, nr. 1–2, passim; Kwiatkowski W. Historia Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego na setną rocznicę jego założenia 1842–1942. Albano, 1941, passim.*

бокий след в истории Польши. Однако не так широко известен факт, что Калинка, прежде чем вступить на путь духовного совершенствования, в довольно зрелом возрасте прошел очень интересный жизненный путь, где среди прочего у него было и казацкое приключение на фоне великой геополитики XIX в.

Ксендз Валериан Калинка прошел жизненный путь, очень похожий на путь других выдающихся персонажей, создававших в XIX в. историю ордена. Мы помним, что сам основатель ордена Богдан Янский был в свое время горячим сторонником протокоммунизма и членом кружка Сен-Симона, а ксендзы Иероним Кайсевич и Петр Семененко начали свою общественную деятельность как революционеры и члены масонских лож³. Калинка, вслед за отцами-основателями ордена, прошел путь, ведущий от безусловного и жертвенного увлечения национальным делом, восстаниями и подпольной работой, через горький вкус поражения и потерю веры в революционную деятельность, к раздумьям, переоценке и выработке новых ориентиров для обретения свободы родины. Завершением его внутренней метаморфозы стало вступление в 1868 г. в орден Воскресения Господня. Позднее его биограф справедливо писал: «Калинку должно было всеми силами его природы тянуть к этому ордену, который, как и он сам и все его действия, взял свое начало с раздумий над падением Польши и над способами ее восстановления, который знал природу и историю народа, а польскую душу понимал так хорошо, как никто другой знать и понимать ее не мог, который служил во Вселенской Церкви, но которому была в ней назначена особая миссия возле польских душ и дел. Калинка в состоянии был чувствовать и понимать торжественный характер того стремления, которое сделало монахов из Кайсевича и Семененко, он верил в эффективность их действий, их заслугу перед Богом и пользу для народа»⁴.

Обращение к христианству и вступление в орден стало результатом глубокого внутреннего преобразования Валериана Калинки. В воспоминаниях потомков он остался серьезным, уравновешенным человеком, типичным представителем консервативной среды из Галиции. У собеседника, даже не знавшего, что он имеет дело со священником, после встречи с Калинкой создавалось впечатление, что он встретился с человеком спокойным, снисходительным, всегда мягким и вежливым. Порой его даже упрекали в излишней почтительности и притворном смирении. Его биограф подчеркивал, что этот серьезный священник ничем не напоминал молодого Калинку, «вспыльчивого, страстного, трудно управляемого» человека, который был способен на страстность и несправедливость⁵. «В это время он был еще очень молод и неуравновешен», — писал о Калинке друг его молодости и горячий поклонник граф Станислав Тарновский⁶.

После краткого эмиграционного приключения, которое он, двадцатилетний революционер, пережил в Брюсселе в 1846–1848 гг., Калинка в 1852 г. во второй раз уехал в странствие. Тогда в столице Франции, центре польской эмиграции, Ка-

³ См.: *Dolina J.* Powstanie i początki Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego. S. 126–130.

⁴ *Tarnowski S.* Książd Wleryan Kalinka. Kraków, 1887. S. 128–129.

⁵ *Ibid.* S. 16.

⁶ Станислав Тарновский (1837–1917) — историк литературы, литературный критик, публицист, консервативный историк из Галиции, принадлежащий к группе «станчиков», депутат Палаты господ Венского парламента, ректор Ягеллонского университета на два срока, президент Академии знаний. См.: *Słownik Biograficzny historii Polski. T. 2 / red. J. Chodera, F. Kiryk.* Wrocław; Warszawa; Kraków, 2005. S. 1539–1540.

линка сблизился с консервативной верхушкой польской эмиграции середины XIX столетия в Париже. Его штабом, получившим название «Отель Ламбер», руководил князь Адам Ежи Чарторижский. Калинка стал секретарем и доверенным лицом генерала графа Владислава Замоиского, одного из ближайших сотрудников князя Чарторижского. Замоиский отвечал за дипломатические отношения консервативно-аристократического лагеря Великой эмиграции и активно поддерживал отношения со всеми важнейшими политическими центрами Европы. Калинка был не только формальным секретарем и незаменимым сотрудником, но и доверенным лицом, а также советником генерала Замоиского во многих делах. Можно считать, что очень активная и эффективная дипломатическая деятельность круга «Отеля Ламбер» являлась как раз результатом удивительного единомыслия генерала и Калинки, их тесного сотрудничества, полного понимания и абсолютного взаимного доверия. Нетрудно догадаться, что за многими самыми смелыми и неожиданными решениями в области дипломатии стояли отчасти авантюрные идеи адъютанта генерала Замоиского, его проницательные и умные наблюдения, соединенные с огромной трудоспособностью, а также тщательно подготовленные анализы⁷.

Вышеупомянутый биограф Калинки писал, что находящиеся в Париже письма и отчеты обоих, которых он еще не видел, позволили бы подробно, день за днем описать, что делал каждый из адресатов, а данные материалы должны попасть в «жизнеописание ксендза Калинки, в жизнеописание Замоиского, в жизнеописание князя Адама и, в конце концов, также в историю эмиграции»⁸.

Действуя от имени демократических кругов с целью разжечь восстание, Калинка целиком погрузился в великие геополитические интриги, разыгрывающиеся в современном ему мире. Он был свидетелем очередных напряжений между Россией и Западом, которые особенно усилились во время Крымской войны и после нее. Как поляк, он надеялся, что война может привести к скорому падению России и восстановлению Польши. Именно поэтому участие в антироссийских действиях Запада, поддерживающего Турецкую империю против России, Калинка считал своим долгом.

Политические события того времени были полны для него предпосылок участия в антироссийских проектах, связанных с действиями держав на международной арене, особенно дела, связанные со славянским фактором. Эпоха оформления наций усиливала не только процесс создания национальных государств, но и образование на основании национальных идеологий глобальных соглашений, основанных на культурно-цивилизационных союзах. Во второй половине XIX в. начали создаваться глобалистические пангерманские, панславянские и австро-славянские планы. Идея создания великого германского рейха на основании объединения всех государств, заселенных германским населением, хорошо перекликалась с идеей великого славянского государства под патронажем России. Жившие в Османской империи славянские народы с надеждой смотрели на Россию как на свою освободительницу и во время российско-турецких войн солидаризировались с ней. Среди поляков такого рода настроения не вызывали энтузиазма, что тоже вполне понятно.

Появилась идея объединить славянские народы на антироссийской почве. Своеобразным экзотически-авантюрным подвигом стала инициатива известного Михала Чайковского, называемого также Садык-пашой, создававшего под турец-

⁷ Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka. Życie i działalność. Poznań; Warszawa; Lublin, 1972. S. 155.

⁸ Tarnowski S. Książdz Wleryan Kalinka. S. 45.

ким покровительством казацкий отряд, который должен был стать началом армии проживавших в Турции славян. Он должен был стать также основой для создания будущей польской армии. Валериан Калинка находился на перекрестке инвенции умелого политика из высших аристократических сфер князя Адама Чарторижского и окраинного шляхтича, дебошира Михала Чайковского, идеи которого бросали его из крайности в крайность и нередко реализовывались на деле. В 1841 г. по поручению Чарторижского Чайковский стал дипломатическим агентом в Константинополе. После знакомства с жизнью турецких славян в его голове появился план организовать в Добруже — славянском уголке Оттоманской империи, заселенном смешанным населением, в большей части беженцами из России, — очага антироссийской пропаганды, распространяющейся на Украину, Польшу, Дон, Кавказ. В роли центра оппозиции против царизма М. Чайковский видел Украину с ее казачеством и сопротивлением против какой-либо дисциплины, пришедшей извне. Будучи фанатиком казацкой Украины, он представлял себе ее как идеализированную страну, созданную фантазией, выношенную в сердце, «видимую через призму собственной детской памяти и воображения». Эта его Украина «была чем-то неотделимым от Польши, ее отдельной и самой существенной частью, и в то же время чем-то тождественным с Польшей. Когда Чайковский говорил о Польше, в воображении видел свою Украину, а когда писал об Украине, не умел отделить ее от Польши... Независимость Польши была для него делом вторичным: весь он жил исключительно этим одним — мыслью о борьбе за Польшу, но с целью возвращения в Украину»⁹.

Князь Чарторижский пробовал направить идеи окраинного мечтателя в русло плановых подготовительных действий, имеющих целью укрепление антироссийских настроений и поддержку в обществе революционного брожения. В своей инструкции Чайковскому он приказывал «помнить об эмиссарах на Русь, а особенно в Меджибож и Умань. Без небольшой подготовки умов среди русского народа запланированный поход из Нижя был бы опасным». В «Мемориале важнейшим соотечественникам» от 30 июля 1849 г. князь указывал на казацкую традицию как на маятник будущего восстания, напоминал, что уже существуют «способы и пути достучаться к казачеству, к Малой Руси, к военным поселениям, по крайней мере к тем, которые лежат над Бугом, и тем, которые в последние годы были основаны на Подолье и в Украине». В перспективе всего мероприятия «запорожцы, как польские казаки, а тем самым для нашей Руси несомненные русичи, ведомые польскими офицерами, составляли бы не то польское, не то русско-польское войско, соответственно своим желанием»¹⁰. С одной стороны, ожидалось, что инициативу поддержат жители Волыни, Украины и Подолья, так называемых Отобранных земель, заселенных русинами, рассматриваемыми польскими повстанцами как союзник в борьбе с Россией. Именно поэтому созданный казацкий полк встал под старинное запорожское знамя, хранимое у константинопольского патриарха, и принял присягу верности на Евангелии в присутствии «католического и греко-восточного» священников¹¹.

⁹ Doroszenko D. Ukraińska polityka Księcia Adama Czartoryskiego. Na marginesie książki Marcelego Handelsmana, Ukraińska polityka ks. Adama Czartoryskiego przed Wojną Krymską // Przegląd Współczesny. 1939. Nr. 1 (201). S. 131. (Prace Ukraińskiego Instytutu Naukowego. T. XV)

¹⁰ Ibid. S. 132.

¹¹ Rawiat-Gawroński F. Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza). Jego życie, działalność wojskowa i literacka. Zarys biograficzny. St Petersburg, 1901. S. 50.

Вышеупомянутое знамя было особой святыней, глубоко укорененной в истории и связанной со многими выдающимися казацкими деятелями. Садык-паша так описывал эту драгоценную для казацкого войска реликвию: «Это знамя состояло из двух разноцветных полос, сшитых перпендикулярно друг другу. На серебряной полосе находится православный крест. На красной полосе — серебряный полумесяц ислама. Наконечник древка от знамени заканчивался золотым православным крестом, опирающимся на серебряный полумесяц ислама. Это был символ объединения вооруженных христианства и ислама под властью султана. Это знамя было передано Петру Дорошенко, потом перешло к Ивану Мазепе, к отурченному Филиппу Орлику, к Бахмуту, к Еднокышскому Ляху, к монаху Морозу и ко Гладкому <...>. Мне передал его патриарх Иоаким с государственным удостоверением, подписанным и подтвержденным, согласно турецкому обычаю, печатями патриарха и двенадцати архиепископов священного синода»¹².

М. Чайковский организовал военный отряд в 600 человек во главе с несколькими десятками польских офицеров, в его отряде было также много болгар и русинов. В 1854 г. казацкий полк участвовал в боях на Балканском полуострове, а также во взятии Букарешта¹³. Энтузиазм из-за возникновения квазипольского войска передался широким слоям польского общества. Говорилось о том, что настало время внести изменения в текст песни «Еще Польша не погибла», вводя в него строки: «Марш, марш, Садык, из турецкой земли в Польшу»¹⁴.

Неожиданно такой экзотический военный проект был встречен полным одобрением со стороны главных европейских правительств. Император Наполеон III передал казакам оружие для тысячи кавалеристов¹⁵. К идее вооружения казацких султанских войска положительно отнеслось также лондонское правительство Ее Королевского Величества¹⁶. Энтузиазм передался и польским эмиграционным кругам на Западе. Граф Владислав Замойский перенял идею создания казацких отрядов как оружия антироссийской борьбы на Западе, а также как начала будущей польской армии. Одновременно с уже существующим полком казаков Садык-паши он решил образовать II Казацкий полк при поддержке Англии. В документе, переданном английскому правительству, Замойский представил свое видение политической роли казацких отрядов: «Первый полк, обеспечивая участие в этой войне турецких славян, посорит их с Москвой, тогда как второй полк с помощью польской стихии вызовет дезертирство в рядах неприятеля. А если когда-то объединенные правительства признают потребность в серьезной войне с Москвой, то как чисто польская часть, так и настоящие казаки станут ядром польской армии, с ее традиционным авангардом из легкой казацкой конницы»¹⁷.

Секретарем генерала был тогда Валериан Калинка, горячо поддерживавший идею создания казацкого полка. Он от имени Владислава Замойского руководил на-

¹² Czajkowski M. (*Mehmet Sadyk Pasza*). *Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku*. Warszawa, 1962. S. 27.

¹³ Капитанова О. С. Польский вопрос в международной политике 1830-х — начала 1860-х гг. // *Меж двух восстаний. Королевство Польское и Россия в 30–50-е годы XIX в.* М., 2016. С. 430.

¹⁴ См.: *Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza podług zebranych przez siebie materiałów oraz z własnych wspomnień*. T. IV. Poznań, 1895. S. LXXXVI.

¹⁵ *Rawiat-Gawroński F. Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza)*. S. 50–51.

¹⁶ *Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka*. S. 180–181.

¹⁷ *Ibid.* S. 180.

бором добровольцев, назначал жалование тем, кто уже служил, а также передавал решения о повышении¹⁸. Отдельной миссией В. Калинки стал набор добровольцев в казачьи отряды среди поляков, военнопленных из рядов российской армии, которые попали в турецкий плен. С этой целью он предпринял особый визит к Великому везиру и лично посетил в Константинополе заключенных соотечественников, приглашая их вступить в ряды казачьего войска. Из 85 посещенных им российских пленников желание служить в армии под польским и даже турецким командованием выразили 44 поляка¹⁹. Необходимо упомянуть о том, что усердие Калинки было столь велико, что он даже превысил свои полномочия и вместо того, чтобы ограничиться набором добровольцев и отсылать их обратно к Садыку, он наладил непосредственные контакты с высшими властями Турции. Впоследствии Калинка получил строгий выговор за эту инициативу²⁰.

Казачье дело, несмотря на изначальный успех, неожиданно застопорилось в лабиринтах большой политики, элементом которой с самого начала оно и должно было стать. Английское и французское правительства должны были считаться с геополитическим резонансом, который вызовет реанимация казачества как элемента польского вопроса, с особой чуткостью к нему венского правительства, которое было непосредственным участником происходящего. Стараясь получить от Австрии поддержку для антироссийской коалиции, союзные западные державы, поддерживающие Турцию в войне с Россией, пытались нивелировать польскую тему в казачьих формированиях. Отряды, которые имели целью стать началом будущей польской армии, оказались лишены каких-либо польских символов или ассоциации с традицией польского оружия. Они, скорее, представляли собой странную смесь славянского казачества с турецкой военной структурой. Польские офицеры, как и командир полка Садык-паша, называли себя турецкими именами: Бытжоновский назвал себя Арслан-паша (лев), Бреаньский — Шахин-паша (сокол), Пачек — Хдерим-бек (молния), Перковский — Табья-бей (крепость). Приказы в полку отдавались на «славянском языке, похожем на польский и русинский»²¹.

Намерение формировать II полк казаков в польском духе и под командованием генерала графа Замойского также было забыто. Распоряжение султана Абдул-Меджида, позволяющее назначать иностранного генерала командиром полка на султанской службе, давало возможность Садык-паше, султанскому офицеру, исповедующему веру в религию Пророка, руководить казачьими формированиями. Подчинение генерала с великим военным опытом, представителя высших кругов польской аристократии, эксцентричному отурченному авантюристу-шляхтичу представляло угрозу в командовании казаками. «Владислав Замойский превосходил его положением в обществе, знатной фамилией, связями. Он также хотел везде быть впереди, везде смело занимал первые позиции, неоднократно заслоняя выдающуюся личность Садык-паши. Две величины не могли сойтись и действовать в одном и том же направлении. Сходились они только для того, чтобы потом опять разойтись»²².

¹⁸ *Mrówczyński J.* Ks. Walerian Kalinka. S. 183–187.

¹⁹ *Ibid.* S. 161.

²⁰ *Nowak J.* Władysław Zamojski. O sprawę polską w Europie (1848–1868). Poznań, 2002. S. 197–198.

²¹ *Rawiat-Gawroński F.* Michał Czaykowski (Sadyk-Pasza). S. 48–49.

²² *Ibid.* S. 50.

В этой ситуации роль миротворца сыграл В.Калинка. По приказу Замойского, как главнокомандующего казацкими отрядами, он был послан к Садык-паше с просьбой зачислить его в I полк. Замойский писал казацкому главе, что он не хочет, чтобы его адъютант делал что-либо без его согласия, уточняя, что не желает, чтобы Калинка одевался в мундир II полка, а хочет, чтоб тот был назначен из I полка к Садык-паше²³. Просьба эта была исполнена, но одновременно ему было приказано остаться при своем непосредственном начальнике. В полученном им назначении говорилось о том, что «поручик Валериан Калинка из I полка султанских казаков решением Светлейшего генерала дивизии Мегмед-Садыка, Верховного командира Румелии и Анатолии, был прикомандирован к Светлейшему Замойскому»²⁴. Калинка носил казацкий мундир I полка, но исполнял должность адъютанта командира II полка. Это должно было создавать впечатление единства подразделений и гармонии в управлении ими²⁵.

В декабре 1854 г. генерал Замойский формально организовал II полк казаков, назначая задачи отдельным офицерам. По приказу генерала поручик Калинка проводил особый контроль за всеми приготовлениями. Он следил также за набором добровольцев, так как в феврале 1855 г. полк насчитывал только 180 человек. Кроме этого, Калинка занялся экипировкой и материальным обеспечением войска²⁶. По его мнению, казацкий эксперимент не удался из-за хаоса, отсутствия надлежащей дисциплины, национальной составляющей и польского патриотизма, а также из-за присутствия казацкого патриотизма. Калинка писал, что польские отряды «не казацкое, а польское и только польское должны иметь знамя»²⁷.

Все это время он должен был действовать в турецкой столице и непосредственно следить за всеми действиями, обеспечивающими набор и снабжение для формирующегося военного отряда. В начале июля 1855 г. расположенный в лагере в Шумле II казацкий полк насчитывал 1500 человек. Задействованы были знакомства и контакты генерала Замойского, политические связи князя Адама Чарторижского. Предполагалось, что II полк станет школой офицеров для будущей польской армии, он состоял из выдающихся офицеров и идейных солдат²⁸. Это вызвало острую иронию и презрение со стороны «настоящего казака» Садык-паши. Оставаясь в конфликте с религией, перешедший в ислам идейный враг католического «иезуитизма» в своих дневниках издевался над излишним клерикализмом казаков генерала Замойского. Ведь это были исключительно те поляки, которые из-за «ультракатолического эксцесса генерала», как считал Садык-паша, попали под влияние религиозных фанатиков, «которые служили при костелах или при священниках и имели свидетельство о набожности и об исповеди, выданное отцами-иезуитами или отцами-воскресенцами»²⁹.

Видя прогресс и хорошие перспективы развития идеи создания польских подразделений в Турции, начиная с середины 1855 г. князь Чарторижский начал

²³ Jenerał Zamoyski 1803–1868. T. VI. Poznań, 1930. S. 118.

²⁴ *Mrówczyński J.* Ks. Walerian Kalinka. S. 163.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid. S. 164.

²⁷ См. письмо В.Калинки А.Чарторижскому от 15 марта 1854 г.: *Wierzbicki P.* Dywizja Kozaków sułtańskich. Polityczno-wojskowe koncepcje stronnictwa Czartoryskich w okresie Wojny Krymskiej (1853–1856). Kraków, 2013. S. 42–43.

²⁸ *Mrówczyński J.* Ks. Walerian Kalinka. S. 164.

²⁹ *Czajkowski M.* (*Mehmet Sadyk Pasza*). Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. S. 227–228.

действовать в направлении освобождения формирующихся вооруженных сил от казацкой концепции Чайковского и расширения польской армии на основе II Казацкого полка. Из дипломатических соображений было принято решение сохранить название «султанских казаков». Данные действия согласовывались с главными игроками на европейской политической арене и только после этого вносились в «польскую повестку» на новых геополитических условиях. Специально для этого Калинка вместе с генералом Замойским отправился в Лондон, где путем переговоров с государственными деятелями Ее Королевского Величества был выработан документ, согласно которому I Казацкий полк останется подразделением, состоящим из представителей славянских национальностей, выступающих против Москвы, и имеющим скорее пропагандистско-политическое значение. Также в документе было зафиксировано, что II полк будет развиваться в польском духе, он предназначается для поляков, прежде служивших в российской армии, и должен стать зачатком польской армии с традиционным авангардом из казацкой конницы. В новых политических условиях данные начинания получили одобрение и широкий резонанс среди европейской политической элиты. Проект горячо поддержал министр иностранных дел Великобритании Джордж Вильерс, лорд Кларендон, а император Наполеон III вызвал генерала Замойского в Париж для встречи, чтобы лично ознакомиться с этим военно-политическим проектом³⁰.

Идеи возрождения казачества, волновавшие умы европейских политиков, дошли также и до Адама Мицкевича, гостившего в Константинополе за несколько месяцев до своей смерти. Он застал шумиху вокруг казацкого дела, так как сторонники Садык-паши рассматривали формирующийся II полк как троянского коня. Напечатанная в «Ведомостях с Востока» статья «Сообщение с Востока» призвана была донести мысль Калинки о том, что «только вместе со вторым полком возникло чисто польское формирование»³¹. После соответствующей редакции текста напрашивался вывод, что первый полк Садык-паши уже был тем самым формированием. Это означало, что суэта генерала Замойского вокруг II Казацкого полка лишь вносит раскол в польское дело и создает конкурирующие элементы. Во всем этом усматривалось вмешательство чужих, английских интересов, заслоняющих польские интересы.

Эти настроения уловил Адам Мицкевич, писавший, что «казачество имело в себе национальную стихию, соединясь под командой польских офицеров, восстановило в себе память древних отношений», и не знавший, каким будет отношение английского контингента к «Польше и казакам, которые именем и традицией соединены еще с нашим делом»³². Поэт глубоко скорбел из-за расколов, произошедших среди казацких командиров, вину за это возлагал на генерала Замойского и восхищался Садык-пашой. Мицкевич пришел к идее создания еврейского подразделения на основе его полка. «Последним его планом в Константинополе было привлечь израильтян на службу свободы <...> Пришла нам на ум мысль о создании третьего полка, состоящего из израильтян, в котором соблюдались бы еврейские обряды и обычаи». Захваченный этими идеями и обеспокоенный стагнацией казацкого дела, Мицкевич заразился холерой и заболел. В последние дни жизни он

³⁰ *Mrówczyński J.* Ks. Walerian Kalinka. S. 180.

³¹ *Mickiewicz W.* Żywot Adama Mickiewicza. S. 431.

³² *Ibid.* S. 431–432.

говорил, что даже если бы знал, что, поехав в Турцию должен умереть, все-таки поехал бы туда, поскольку предпочитал «быть писарем в каком-то полку польских казаков, чем канцлером французского института»³³.

Так сложилось, что после смерти Адама Мицкевича в Константинополе Калинка горячо ратовал за то, чтобы похоронить поэта на турецкой земле. Калинка говорил, что, Мицкевич, напоминая народу о его обязанностях, пошел на Восток и там умер. Там нужно его и похоронить, а на границе двух частей света поставить памятник, «видный из Босфора и с Черного моря, что светит сегодня эмиграции, как потом вечно будет светить народу. В той стороне греки, следуя за Александром Македонским в Персию, посетили могилу Ахиллеса, которая стояла веками. Так что, если Польша восстановится, могила Мицкевича на многие столетия станет целью паломничества поляков. <...> мне хотелось бы над телом Мицкевича насыпать могилу, которая своей высотой достигала бы хотя половины могилы Костюшко. На ней я желал бы поставить железную статую колоссальной высоты: Мицкевич — такой, каким мы обычно его видели, в темном плаще, с вдохновенным лицом, но несравненной простоты, с одной рукой на сердце, а с другой — указывавшей на то направление, где находится Польша»³⁴.

Калинка до конца участвовал в обреченной затее создания казацких войск, которая после изменения геополитической ситуации и при непрерывных спорах между поляками в эмиграции быстро сошла на нет. Приближающееся окончание Крымской войны требовало стабильности и прочных политических решений в новых условиях «Концерта великих держав». Победившая сторона хотела закрепить существующую ситуацию и устранить те факторы, которые могли бы привести к ее пересмотру. Скоординированная с политикой западных держав казацкая инициатива генерала Замойского все больше демонстрировала собственную несостоятельность, меняясь при отсутствии четкой идентичности, в условиях враждебности со стороны части польского общества, а также антивоенных настроений на фоне приближавшегося перемирия.

16 ноября 1855 г. английское Военное министерство издало документ о создании отдельной дивизии султанских казаков на основе II Казацкого полка³⁵. При этом подчеркивался факт, что подразделение формируется на время войны. Взятый при таких обстоятельствах под политическое и военное покровительство Великобритании отряд утратил интерес для Турции и поддержку с ее стороны. Вопросы жалования, экипировки и снаряжения остались не урегулированы. Зависть со стороны Садык-паши и недоброжелательно относящихся к князю Чарторижскому эмиграционных партий причинили создававшейся дивизии непоправимый ущерб. Калинка пытался опровергать фальшивые донесения и доказывать ложность клеветы, однако в условиях неблагоприятной обстановки это мало помогало³⁶. Буйный Садык-паша не жалел сил, чтобы возложить на Калинку ответственность за то, что тот будто бы оплачивал памфлеты и распространение клеветы, интриговал против него и его «настоящих казаков». Он подчеркивал, что Калинка делал это, будучи адъютантом «г-на Замойского, сейчас любимого отца-иезуита архиеписко-

³³ Ibid. S. 433, 450.

³⁴ Ibid. S. 468–469.

³⁵ См.: *Wierzbicki P. Dywizja Kozaków sułtańskich. Polityczno-wojskowe koncepcje stronnictwa Czartoryskich w okresie Wojny Krymskiej (1853–1856)*. Kraków, 2013, passim.

³⁶ *Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka*. S. 181–183.

па Гнезно»³⁷. Садык-паша ненавидел Калинку и свою антипатию переносил на генерала Замойского³⁸.

Не желавший мириться с ростом проблем вокруг казачьего отряда Замойский отчаянно пытался найти поддержку со стороны французского правительства. В Марселе был создан центр, занимающийся набором военных кадров для польской дивизии. Калинка пробовал координировать деятельность центров по набору, между которыми возникали разные недоразумения. Чтобы улучшить координацию сотрудничества при создании казачьей дивизии, 26 декабря 1855 г. генерал Замойский основал Главное агентство в Париже, а его секретарем назначил Валериана Калинку.

Попытки спасти идею польского формирования под казачьим знаменем полностью рухнули после получения известия о заключении в Париже мирного договора, о чем 2 апреля 1856 г. сообщил Замойский. Пользуясь ситуацией, царь объявил амнистию для всех поляков, желавших вернуться на родину. Замойский с Калинкой и небольшой группой энтузиастов должны были решить, как спасти ситуацию перед лицом неминуемого поражения идеи польского военного формирования³⁹. Исходя из неблагоприятной геополитической конъюнктуры, В. Калинка предлагал своему начальнику «употребить свой отряд в качестве кадров для славянской организации в Турции»⁴⁰.

Последней попыткой спасти казачий отряд в Турции стали встречи с Великим везиром Аалим-пашой в Англии и лордом Кларендоном. Посольство в Лондон в лице сына А. Чарторижского и Калинки пробовало повлиять на решения главных мировых политиков. Мнимые успехи, такие как назначение Калинки на должность турецкого агента дивизии султанских казаков Великим везиром, не принесли прочных результатов. После возвращения Аалим-паши в Стамбул было принято решение о включении казачьего отряда в турецкую армию с принятием солдатами турецкого гражданства и потерей подразделением польского характера, что и стало причиной приказа генерала Замойского от 31 июля 1856 г. об окончательном роспуске дивизии. Последним событием, записанным до этого акта в летописях несостоявшегося польского отряда, стало построение и торжественное освящение в Варне памятника в честь короля Владислава Ягеллончика и погибших польских рыцарей. Освящение произвел капеллан дивизии, ксендз Кароль Качановский⁴¹.

Могила в форме кургана имела очертание усеченного конуса, наверх которого вела тропа. Высота насыпи составляла 5 м, а ее диаметр у подножия — 25 м. Наверху был возложен камень с Орлом и Погоней (литовским гербом), а также с надписью на польском языке и латыни: «Королю Владиславу III из Ягеллонов и польским рыцарям, которые вместе с ним 10 ноября 1444 года погибли под Варной. Польская дивизия под командованием Владислава Замойского». Дальше были перечислены конные и пешие полки⁴².

³⁷ Садык-паша предполагал, что влияние В. Замойского превышало авторитет примаса Польши. См.: *Czajkowski M. (Mehmet Sadyk Pasza). Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. S. 223.*

³⁸ *Jenerał Zamoyski 1803–1868. S. 148.*

³⁹ *Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka. S. 185–189.*

⁴⁰ *Jenerał Zamoyski 1803–1868. S. 211.*

⁴¹ *Ibid. S. 190–191.*

⁴² См. письмо генерала Замойского В. Калинке от 24 июля 1856 г.: *Jenerał Zamoyski 1803–1868. S. 230.*

Неизменно сопровождавший генерала Замойского Калинка занялся демобилизацией в связи с расформированием дивизии. Начальник очень ценил помощь своего адъютанта. Он отмечал, что Калинка работал больше всех, а при этом сохранял добросердечность и такт. Тревожился генерал и за будущее своего молодого друга⁴³. Когда сам князь Чарторижский, видя поражение великого плана формирования казачьих отрядов под властью султана, попросил Калинку, чтобы тот уговаривал польских ветеранов вернуться на родину, где их будто бы ждала царская амнистия, Калинка ответил, что когда-то японцы, разрешив европейцам высаживаться на их острове, требовали от них растоптать крест. Возвращаясь под власть царя, считал Калинка, поляки должны были растоптать собственное прошлое⁴⁴.

Разочарование, постигшее Валериана Калинку из-за поражения, как казалось многим полякам, замечательной инициативы вызвали в его сознании глубокие перемены. Само общение с генералом Замойским, человеком религиозным, тесно связанным с церковью, вызвало у него более глубокие раздумья по поводу борьбы за независимость и потребности внутреннего обновления общества. Неблагожелательный к Калинке Садык-Паша подозревал его в излишней религиозности и иезуитстве⁴⁵. Он считал, что именно под влиянием Калинки и «других карлов, какими и являются иезуиты», смелый генерал Замойский потерял свою доблесть и стратегический талант. Садык-Паша обвинял Калинку даже в деградации офицеров, которые не были слишком религиозными (у них не было молитвенников)⁴⁶.

Так или иначе, после дискредитации и осмеяния авторитетов все большее значение Калинка придавал авторитету церкви, а польский вопрос начал связывать именно с ней. Это душевное состояние описал Тарновский в своей биографии Калинки: «Все обмануло! Что остается? Ничего: в мире ничего, только лишь собственная любовь к Отечеству и Бог! И именно из этого нужно все создать. Из разочарования и отчаяния восстает эта любовь и обещает все перетерпеть, все сделать, все побороть и починить все, что только сможет; и появляется мысль о том, что Бога нужно умоливать и упросить, жертвуя злом внутри себя, победой над собой самим. Происходит и усиливается религиозное обращение, почти мистическое, стремившееся улучшить и восстановить Польшу, но начинающееся с улучшения и восстановления самого себя; обращение, которое захватило также и Калинку, но не только его одного»⁴⁷.

Возможность соединить польский вопрос с великой политикой, разыгрывавшейся вокруг «восточного вопроса», появилась во время следующих попыток создания новых основ Южной Славянщины в шаткой и теряющей свое значение Османской империи. Усиливающиеся освободительные движения среди балканских славян тяготели к России как к государству, враждебному Турции и одновременно близкому им в культурном и религиозном отношении. Навстречу этим настроениям выходили панславистские проекты российских интеллектуалов, поддерживаемых царской дипломатией. Создавалась картина федерации славянских народов,

⁴³ Ibid. S. 196.

⁴⁴ Kukiel M., Czartoryski and European Unity 1770–1861. New Jersey, 1955. S. 304.

⁴⁵ Czajkowski M. (Mehmet Sadyk Pasza). Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku. S. 236.

⁴⁶ Ibid. S. 252.

⁴⁷ Tarnowski S. Książdz Waleryan Kalinka. S. 53.

созданной на обломках Турецкой империи, даже не славянских, а христианских вообще, то есть пополненных румынами, венграми и греками⁴⁸.

Перед лицом таких глобальных перемен рождались не менее амбициозные планы создания славянского союза на враждебных России идейных фундаментах. Кроме западных держав, мотором этих начинаний были поляки, особенно эмигранты, ряды которых пополнялись новыми политическими беженцами, которых коснулись царские репрессии. Перспективы новых восстаний, а также горечь их поражения усиливали активность и рождали самые смелые политические проекты. Среди польской эмиграции возник план распространить унию с Римом среди болгар. Валериан Калинка стал активным поборником этой идеи от круга князя Чарторижского с целью создать в Болгарии униатскую церковь, что было сделано 31 декабря 1860 г. Именно благодаря его усилиям новая конфессия была признана султанским правительством, а также получила распространение, хотя и незначительное, в европейских столицах⁴⁹.

References

- Anderson M. S. *The Eastern Question 1774–1923*. New York, St Martin Press, 1966, 436 p.
- Czajkowski M. (Mehmet Sadyk Pasza). *Moje wspomnienia o wojnie 1854 roku*. Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1962, 313 s.
- Dolina J. Powstanie i początki Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego. *Prawo Kanoniczne*, 1978, t. 21, nr. 1–2, ss. 123–142.
- Doroszenko D. Ukraińska polityka Księcia Adama Czartoryskiego. Na marginesie książki Marcelego Handelsmana, Ukraińska polityka ks. Adama Czartoryskiego przed Wojną Krymską. *Przegląd Współczesny*, 1939, nr. 1 (201), ss. 130–144.
- Kardaś A. Walerian Kalinka: historyk i zmartwychwstaniec. *Pomóc uchwycić sens życia: Dziedzictwo ks. Waleriana Kalinki*. Kraków, Wydawnictwo św. Jana Pawła II, 2018, ss. 11–20.
- Kashtanova O. S. Pol'skii vopros v mezhdunarodnoi politike 1830-kh — nachala 1860-kh gg. *Mezh dvukh vosstaniy. Korolevstvo Pol'skoe i Rossiia v 30–50-e gody XIX v.* Moscow, Indrik Publ., 2016, pp. 383–461. (In Russian)
- Kukiel M. *Czartoryski and European Unity 1770–1861*. Princeton, Princeton University Press, 1955, 371 p.
- Kwiatkowski W. *Historia Zgromadzenia Zmartwychwstania Pańskiego na setną rocznicę jego założenia 1842–1942*. Albano, Nakł. Księży Zmartwychwstania Pańskiego, 1941, 556 s.
- Mickiewicz W. *Żywoć Adama Mickiewicza podług zebranych przez siebie materiałów oraz z własnych wspomnień*. Poznań, 1895, t. IV, 489 s.
- Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka. *Życie i działalność*. Poznań, Warszawa, Lublin, Księgarnia św. Wojciecha, 1972, 694 s.
- Nowak J. *Władysław Zamoyski. O sprawę polską w Europie (1848–1868)*. Poznań, Wydawnictwo Poznańskie, 2002, 392 s.
- Rawiat-Gawroński F. Michał Czajkowski (Sadyk-Pasza). *Jego życie, działalność wojskowa i literacka. Zarys biograficzny*. St Petersburg, Księgarnia K. Grendyszyńskiego, 1901, 102 s.
- Tarnowski S. *Ksiądz Waleryan Kalinka*. Kraków, 1887, 216 s.
- Wierzbicki P. *Dywizja Kozaków sułtańskich. Polityczno-wojskowe koncepcje stronnictwa Czartoryskich w okresie Wojny Krymskiej (1853–1856)*. Kraków, Historia Iagiellonica, 2013, 316 s.

Статья поступила в редакцию 8 сентября 2021 г.

Рекомендована к печати 17 декабря 2021 г.

Received: September 8, 2021

Accepted: December 17, 2021

⁴⁸ Anderson M. S. *The Eastern Question 1774–1923*. New York, 1966. P. 171–172.

⁴⁹ Mrówczyński J. Ks. Walerian Kalinka. S. 236–238.